

Свежий ветер шелестел листвой росшего за окном вяза. Сквозь высокие окна от пола до потолка мягко лился утренний свет, ложась на лицо юноши и покрывая его бледную кожу тонкой золотистой дымкой.

Спящий вдруг вздрогнул. Его худое тело напряглось, дыхание перехватило, а по смертельно бледному лицу покатались крупные капли холодного пота. В следующий миг он резко, будто от толчка, взбросился на постели.

Опершись рукой о край кровати, Лу Юйань низко склонился и судорожно, жадно хватал ртом воздух.

Разве он не умер?

Ресницы юноши дрогнули. Он в недоумении огляделся вокруг, силясь распознать чужую и одновременно до боли знакомую обстановку. Ответ пришел быстро: это была его прежняя комната в доме семьи Лу — та самая, которую позже отдадут под мастерскую Лу Юйнина.

В голове закружились чужие, пугающие воспоминания.

Оказывается, он действительно умер. И его прошлая жизнь была лишь сюжетом романа о всеобщем любимчике, где ему отводилась роль жалкого фона для главного героя — Лу Юйнина. В этой истории добрый, умный и чуткий Юйнин купался в лучах всеобщей любви, оставаясь для всех невинным и чистым ангелом. В финале он, как и положено, нашел свою любовь в лице баловня судьбы, одолел всех недоброжелателей и прожил долгую, счастливую жизнь, согретую благословением семьи.

Сам же Юйань в этом сюжете был лишь злобным статистом, пушечным мясом, которое должно было исчезнуть в первых главах. Мало того что он, не зная стыда и меры, посмел заявить права на место Лу Юйнина лишь из-за кровного родства, так еще и всячески изводил бедного мальчика, вызывая у окружающих вполне заслуженное отвращение.

В конце концов он получил по заслугам. Умер в канаве, всеми забытый, жалкий и одинокий. Семья Лу узнала о его кончине лишь спустя несколько месяцев.

Конечно, благородный Лу Юйнин не стал поминать старое: именно он привез скудные пожитки покойного обратно в особняк. Родственники, услышав о смерти Юйаня, лишь снисходительно вздохнули: «Сам виноват, нечего было лезть не в свое дело», — а после принялись на все лады восхвалять великодушие и доброту Юйнина.

И теперь этот презируемый всеми изгой переродился? Но ради чего?

Снова примерить на себя роль семейного шута?

Лу Юйань горько усмехнулся. В его резких, выразительных чертах лица промелькнула незнакомая прежде дерзость. Он резко дернул бледно-голубые шторы и распахнул окно. В лицо ударил прохладный ветер, заставив шуршать разложенные на письменном столе наброски. Воздух принес с собой едва уловимый, знакомый с детства аромат вязовых листьев.

Освободившись от слепой пелены, застилавшей глаза в прошлой жизни, он вдруг понял, что все произошедшее с ним было предрешиено. Просто он до последнего отказывался в это верить.

Возьмем хотя бы этот вяз под окном. Лу Чжэнцин посадил его в день рождения сына. Дерево росло вместе с ним. Маленьким мальчиком Юйань прыгал вокруг ствола, мерился с ним ростом, оставляя на шершавой коре зарубки. Каждая отметина хранила память о его первых пяти годах жизни.

Когда же он наконец вернулся в семью, вяз вытянулся до самого второго этажа, а старые детские зарубки стерлись под новыми отметками — теперь на них красовались замеры роста Лу Юйнина.

По сути, эта комната принадлежала им обоим. Лучшая спальня на втором этаже, которую заботливые родители обустроили для него еще до его рождения. Но когда Юйань переступил порог родного дома после стольких лет разлуки, здесь уже вовсю хозяйничал Лу Юйнин.

В те годы, когда о его судьбе ничего не было известно, а поиски зашли в тупик, мать извела себя тоской. Ее здоровье стремительно ухудшалось, и, чтобы облегчить ее страдания, Лу Чжэнцин принял волевое решение: собрать все вещи пропавшего сына и запереть их в темном подвале. С глаз долой — из сердца вон.

Вскоре в доме появился Лу Юйнин. Хрупкий, болезненный ребенок сразу приковывал к себе все внимание взрослых. Своей покорностью, кротостью и лаской он постепенно затянул душевные раны безутешных супругов. И слабым здоровьем мальчик совершенно естественно занял лучшую спальню в доме.

С этого момента последние следы существования Юйаня в особняке были стерты.

В семье Лу больше не вспоминали гордого и своенравного маленького наследника. На его место пришел послушный, ласковый Лу Юйнин.

А в это самое время Юйаня перепродавали из рук в руки, пока он не оказался у матерых преступников. Он упрямо отказывался называть чужих людей папой и мамой. Слишком гордый, не умеющий хитрить и пресмыкаться, он платил за свое упрямство жестокими побоями.

В том кошмаре детская память начала давать сбои. Некогда ясные картины прошлого рассыпались на тусклые осколки. Боясь однажды позабыть, кто он такой на самом деле, Юйань в самые тяжелые минуты раз за разом воскрешал в памяти образ высокого вяза за окном, свою

светлую уютную комнату и любимую плюшевую игрушку — львенка.

Поэтому, когда он вернулся, а отец приказал отнести его вещи в совершенно другую, незнакомую комнату, Юйань мгновенно понял обман.

Отец собирался поселить его в гостевой спальне, наскоро переделанной под детскую. И тогда мальчик, наплевав на приличия, прямо заявил при всех: «Я хочу комнату Лу Юйнина».

Разве требовать свое — это преступление?

Юйань искренне считал, что имеет на это полное право. Но у Лу Чжэнцина и старшего брата, Лу Ванбэя, было иное мнение на этот счет.

Он до сих пор помнил, как вытянулись их лица от изумления.

Он никогда не умел угождать и подстраиваться. Одним неосторожным словом разрушив хрупкую иллюзию семейной гармонии, он выставил всех в самом неприглядном свете.

Разумеется, в итоге Лу Юйнин со слезами на глазах пробормотал, что с радостью уступит комнату законному хозяину.

В тот миг Юйань искренне радовался маленькой победе. Он вернул свое. Но в этой радости он не заметил, какими взглядами обменялись отец и брат — в них смешались глухая досада и неловкость.

Юноша наивно полагал, что кровные узы крепче всего на свете. Он думал, что отец и брат полюбят его так же сильно, как он любил их. Он еще не знал, что родство без совместно прожитых лет — пустой звук.

Он надеялся вернуть все то, чего был лишен в детстве. Но осознание пришло слишком поздно: время не остановить, все уже давно ушли вперед. Лишь он один застрял в далеком прошлом.

В его прошлой жизни эту комнату в конце концов превратили в личную мастерскую Лу Юйнина. А старый вяз за окном срубили под корень — мол, мешал свету проникать в помещение. С ним исчезли и те немногие детские зарубки на коре.

Судьба подавала ему знаки на каждом шагу, но он упорно закрывал на них глаза.

Но теперь все изменилось. Лу Юйань больше не искал любви и признания своей семьи. При мысли об отце и брате в душе не шевелилось ничего, кроме глухой усталости и безразличия.

Хотят ненавидеть — пусть ненавидят. Ему все равно.

В этой жизни он больше не станет подстраиваться под их ожидания.

Порыв ветра ворвался в комнату, заставив Юйаня поежиться. Коснувшись горячего лба, он понял, что его бьет озноб. Все тело налилось свинцовой тяжестью, в горле словно застряло битое стекло — любая попытка сглотнуть или издать звук отзывалась режущей болью.

Похоже, опять лихорадка.

Он кое-как поднялся и выдвинул ящик письменного стола в поисках лекарств. На дне сиротливо валялось несколько начатых блистеров. Надорванная фольга помялась, разобрать срок годности на ней было решительно невозможно.

Юйань, не глядя, выдавил разноцветные таблетки на лань, схватил со стола стакан с остатками застоявшейся холодной воды и махом проглотил все вместе.

Поможет ли это сомнительное ассорти, он не знал, но ледяная вода хотя бы на время притушила пожар в горле.

Каждую осень и весну Юйань стабильно сваливался с жаром. Никому из его так называемых «опекунов» в притонах не было дела до больного ребенка, так что он привык переносить все на ногах. К счастью, молодой организм справлялся быстро — день-два, и болезнь отступала.

Лишь однажды он попал к врачу. Тогда, после очередной трепки от Ли Фанцзя, у него поднялся страшный жар. Он бредил, терял сознание, и сердобольный сосед, старик Ли Юэфэн, буквально на руках оттащил его в полуподвальную районную клинику. Местный врач выписал копеечные пилюли, которые и вернули Юйаня с того света.

Чтобы отблагодарить спасителя, Юйань подкараулил и до полусмерти избил местных малолетних хулиганов, повадившихся швырять камни во двор старика.

Старик Ли жил один-одинешенек. Слыл человеком нелюдимым и ворчливым, но на деле имел доброе сердце. Писал он посредственные пейзажи, едва сводя концы с концами, однако после той истории повадился зазывать Юйаня к себе. Он подкармливал оборвыша диковинными для трущоб лакомствами, показывал старинные книги по живописи, которые хранил как величайшее сокровище, и даже разрешал пробовать писать кистью.

Со временем у Юйаня начало получаться.

Те редкие дни были, пожалуй, самыми счастливыми в его жизни. В глубине души Юйань даже решил, что, когда вырастет, обязательно позаботится о старике на старости лет. С его-то мазней старик Ли рисковал умереть с голоду: владельцы лавок художественных товаров

скупали его традиционные пейзажи за бесценок.

Но судьба распорядилась иначе. За пару месяцев до того, как Юйаня нашла семья Лу, старик тихо скончался в своей каморке.

Юйань обладал цепкой памятью. Хватило одного визита в клинику, чтобы он навсегда запомнил названия и вид спасительных упаковок, и при любой хвори шел в аптеку именно за ними. Помогали ли они от конкретного недуга, его мало заботило. Он считал, что базовый набор лекарств плюс-минус одинаков. Раз не умер, значит, подействовало.

Когда старик Ли прознал об этом его методе лечения, то едва не лопнул от злости. Долго топал ногами и ворчал, что у Юйаня характер изнеженного барчука: хворает по любому поводу, а заботиться о себе совершенно не умеет.

Но Юйань не притворялся. Просто в раннем детстве его так баловали и оберегали, что даже спустя десять лет скитаний он так и не научился понимать сигналы собственного тела. Болезнь он замечал лишь тогда, когда его уже вовсю трясло в бреду.

Он выдвинул левый ящик стола. Тот был доверху забит плотными листами с набросками. Ведь учителем мальчика был не только старик Ли — основы прекрасного ему когда-то привила мама.

В памяти всплыли далекие, залитые солнцем дни. Когда мама творила в своей мастерской, маленький Юйань вставал на цыпочки у высокого стола и завороженно следил за ее руками. Он на слух заучивал названия минеральных красок: охра, киноварь, малахит, пурпур...

Заметив его любопытство, мама откладывала кисть, нежно прижимала его к себе и, указывая на яркий мазок в технике разбрызгивания цвета, ласково приговаривала:

— Аньань, посмотри сюда. Это небесная лазурь. Запомни: глубина индиго рождает два оттенка — яркий лазоревый и мягкий водяной синий.

Малыш залиvistо смеялся и прятал лицо в ее теплых ладонях, шепча:

— Теперь буду знать!

Помнил он и душные июльские вечера в трущобах. Юйань лежал на каменном столе во дворе старика Ли, прилежно перерисовывая узоры из старого трактата по живописи под оглушительный стрекот цикад. Обливающийся потом старик сидел рядом в плетеном кресле, мерно помахивая облезлым веером. Он без умолку ворчал на «неженку», но исправно отгонял от него мошкарку, нагоняя прохладный воздух с ароматом цветущей гардении.

Старик всегда говорил: «Бумага мала, но на ней умещается целая вселенная. Каждый мазок

туши — это крик души художника». Первым уроком традиционной живописи, который преподавал ему старик Ли, было умение чувствовать эмоции, скрытые в картине. Тонкая рисовая бумага обнажает помыслы автора, а значит, у того, кто держит кисть, всегда есть собеседник. Старик очень хотел, чтобы Лу Юйань никогда не познал истинного одиночества.

И даже в свои самые черные дни перед смертью Юйань не забывал наказ наставника. Он продолжал рисовать до последнего вздоха, а потому ушел из жизни без страха и тоски.

То, что он владеет искусством национальной живописи гохуа, Юйань никогда не скрывал от отца и брата. Вот только те упорно игнорировали его увлечение, считая это очередной нелепой попыткой уязвить талантливого Лу Юйнина.

Да, Юйань отчаянно соперничал с названным братом за крохи родительского тепла. Но живопись для него всегда оставалась святым — здесь не было места зависти.

Раздался короткий, настойчивый стук, и дверь тут же распахнулась. Тот, кто стоял на пороге, явно не собирался ждать позволения войти.

Впрочем, вошедшему формальности были ни к чему.

В комнату вошел изнуренный Лу Чжэнцин. Под глазами залегли глубокие тени, вчерашняя белая рубашка помялась и выглядела неопрятно. Подобная небрежность была совершенно не в его характере — судя по всему, минувшая ночь выдалась для него адской.

Но даже в таком состоянии он первым же делом пришел к Юйаню. Прежний Юйань растаял бы от благодарности и собственной значимости — ведь он прекрасно знал, насколько занят его отец.

У мальчика просто не было опыта общения со столь властными, респектабельными мужчинами. Поначалу он робел перед Лу Чжэнцином настолько, что не мог вымолвить и слова.

Его приемный отец был опустившимся алкоголиком и наркоманом. Каждый его приход домой знаменовался вонью дешевого перегара, битьем посуды и приглушенными рыданиями приемной матери, Ван Жу.

Лу Чжэнцин же воплощал в себе идеальный образ отца, о котором Юйань грезил долгими ночами.

В прошлой жизни он бы засыпал отца вопросами и попытался облегчить его усталость. Теперь же он просто безучастно полулежал у стола, небрежным жестом смахнул эскизы в сторону и закинул остатки таблеток в ящик.

Раздался сухой щелчок закрывающегося замка.

Наконец он поднял равнодушный взгляд на Лу Чжэнцина и хрипло спросил:

— Что-то случилось?

Переродившись, Юйань твердо усвоил: единственное, что могло заставить этого человека забыть о собственном удобстве и примчаться сюда — это проблемы Лу Юйнина. Лу Чжэнцин действительно был идеальным родителем. Просто не для него.

Лу Чжэнцин на секунду замешкался, пораженный тоном сына. Он вгляделся в подростка, которого видел буквально вчера. Из-за долгого сна бледные щеки Юйаня слегка порозовели, а растрепанные волосы мягко спадали на лоб, скрывая уродливый шрам между бровей. Привычная колючая враждебность куда-то исчезла; сейчас он походил на прирученного дикого зверя. Но за этим кажущимся спокойствием сквозила ледяная, непроницаемая стена отчуждения. Юноша даже не смотрел на отца.

Чжэнцину на миг стало не по себе. Внутренний голос подсказывал, что в поведении сына что-то в корне изменилось, но он отмахнулся от этой глупой мысли.

Встряхнув головой, он вернул лицу строгое выражение и пристально уставился на Лу Юйаня, пытаясь уловить малейшее изменение в его мимике:

— Вчера ночью у Ниннина случился тяжелый приступ астмы. С этой болезнью шутки плохи, без ингалятора он мог задохнуться. Слава богу, тётушка Ли вернулась раньше времени, иначе...

Он тяжело вздохнул, не сводя с Юйаня испытующего взгляда.

Услышав это, Юйань сразу все вспомнил.

В прошлый раз в это время его как раз временно отстранили от занятий. Все из-за нелепой драки с практикантом на заднем дворе школы. Лу Юйнин тогда застукал его и привел завуча, разразился скандал, и взбешенный отец запер Юйаня дома «осмысливать свое поведение».

Вчера у прислуги был выходной. В огромном особняке остались только они вдвоем. Общих тем у братьев не водилось, так что они сразу разошлись по своим комнатам. Юйань, почувствовав недомогание, рано лег спать, и даже представить не мог, что у Лу Юйнина начнется приступ, а спасительного ингалятора не окажется под рукой.

Если бы не внезапное возвращение тётушки Ли, мальчик бы просто задохнулся.

Юйань спал беспробудным сном.

Лишь наутро он узнал, что Лу Юйнин потерял сознание прямо перед его порогом. Оказывается, тот отчаянно колотил в его дверь больше минуты, умоляя о помощи, но ему никто не открыл.

В глазах остальных это выглядело как преднамеренное убийство. Юйань умышленно проигнорировал мольбы сводного брата.

Но он действительно ничего не слышал. Из-за старых травм его правое ухо почти полностью оглохло. Мальчик тщательно скрывал этот дефект от окружающих, а поскольку левым ухом он слышал отлично, никто ни о чем не догадывался.

Кроме того, его мучили жуткие приступы мигрени. Со временем он обнаружил, что если спать на левом боку, зарывшись головой в подушку, боль утихает и он быстрее засыпает. Вот только в такой позе он оказывался полностью отрезан от внешних шумов. Вчерашняя лихорадка окончательно лишила его чуткости: он не слышал ни стука, ни последовавшей суматохи, когда отец с врачами перевернули весь дом вверх дном.

В прошлой жизни он пытался оправдаться. Его сбивчивые, сухие заверения в том, что он крепко спал, звучали до крайности неубедительно. Все знали о его неприязни к Лу Юйнину — тем более что именно из-за жалобы последнего Юйаня с позором выставили из школы.

Разве можно проспать такой грохот прямо под дверью?

В отчаянии он даже порывался раскрыть свою самую постыдную тайну — признаться, что наполовину глух.

Но стоило ему открыть рот, как отец мягко прервал его, качнув головой: «Я верю тебе».

Он до сих пор помнил те слова. Лу Чжэнцин произнес их в точности так же, как собирался сказать сейчас:

— С приступами астмы шутки плохи, Ниннину жизненно необходим ингалятор.

— Вы с Ниннином оба мои сыновья. Я люблю вас одинаково.

Тогда Юйань был на седьмом небе от счастья. Это был первый раз, когда отец признался ему в любви.

Но в этот раз пелена спала с его глаз.

Под тяжелым, испытующим взглядом Лу Чжэнцина он наконец разгадал истинный смысл тех великодушных слов, которого не заметил прежде.

«С приступами астмы шутки плохи, Ниннину жизненно необходим ингалятор...»

— означало: «И тебе не следовало из глупой вредности прятать его лекарство».

«Вы с Ниннином оба мои сыновья. Я люблю вас одинаково...»

— означало: «А потому твоя черная зависть не должна ставить под угрозу жизнь брата».

Что бы он ни сказал теперь, все было напрасно. В глубине души Лу Чжэнцин уже вынес ему обвинительный приговор.

<http://bllate.org/book/19801/1985597>